

14, 23). Окончание «Калязинской челобитной» — «господин, смилуйся» — вполне соответствует обычному заключению челобитных на царское имя: «Царь государь, смилуйся» (там же, стр. 5, 6, 10—14 и др.). В документах иногда указывается, кто писал их, напр.: «выпись писал ярославской площади подьячий Оська Федоров» (там же, стр. 155). Эта формула, облеченная в рифмованную речь, у автора «Калязинской челобитной» принимает шутливый оттенок, благодаря подбору имен писавших: «А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мозгов да Антон Дроздов, Кирила мельник, да Роман Бердник, да Фома Веретенник». Отзвуки подлинных челобитных слышны не только в общей схеме нашего памятника, но иногда и отдельные выражения жалоб монахов повторяют язык документов. Утомленные строгостью Гавриила, напр., монахи жалуются, что он «старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и эта жалоба точно повторяет характерное выражение челобитных вообще, определяющее в них степень нанесенного вреда. В челобитной богоявленского островского монастыря игумена Авраамия с братией рассказ о «насильствах крестьян» над монастырским имуществом заключается теми же словами: «дошло до того, чуть и монастырь не запустел», и дальше — «чтоб от такова их насильства твое царское богомолье не запустело» (Титов, назв. соч., стр. 38).

«Калязинская челобитная» иронически обещает от лица монахов такой способ обогатить монастырь: «рожь да ячмень в солод изростим, овсяные брашки поставим, а на денги вина прикушим» — почти теми же словами изображается в челобитной, как игумен Ферапонтова монастыря тратит монастырскую казну: «из монастырского хлеба пива варят и вино курят и на монастырские казенные денги про них вино покупают безпрестанно» (Срезневский, назв. соч., стр. 297).

Но для автора «Калязинской челобитной» характерно не только хорошее знание современного ему делового языка. Он, как и авторы других сатир второй половины XVII в. (служба кабаку, повесть о попе Савве, повесть о ерше), все время сбивается на рифмованную прозу. Это не та виршевая манера, которую культивируют в это же время на верхах московского литературного мира: рифмованная речь «Калязинской челобитной», скорее ведет нас к остаткам скоморошьяго языка, сохранившимся в устной традиции — в небылицах, в «скоморошьем ясаке» сказок, прибаутках, свадебных приговорах дружек и наконец в пословицах. С последними сближаются некоторые выражения «Калязинской челобитной» и текстуально, а не только рифмой. Так, жалуясь на скудную пищу, монахи говорят, что у них «репа